

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Опыт сравнения одной арабской народной сказки с общеизвестной русской

Арабская народная сказка «Три царевича и золотая птица», записанная в Сирии (в Дамаске) датским ученым J. Oestrup и помещенная в его сборнике, вышедшем в 1897 г. под заглавием «Дамасские сказки»,¹ имеет большое сходство с хорошо известной нам русской народной сказкой об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке,² как по своей фабуле, так и в отдельных своих моментах.

Сходство фабул обеих сказок почти полное. Как в арабской, так и в русской сказке фигурируют царь и его три сына, которым отец дает задание: по перу отыскать для него и самое Жар-птицу. Правда, в русской сказке приводится одно обстоятельство, которого нет в арабской, а именно, что Жар-птица повадилась сначала прилетать в царский сад и клевать там золотые яблоки, но, с другой стороны, после того как Иван-царевич чуть было не поймал ее, схватив за хвост, причем у него осталось в руках перо этой птицы, последняя уже больше не прилетала. Таким образом, в конечном итоге желанием царя получить Жар-птицу (в арабской сказке — золотую птицу) руководит как бы не столько стремление избавиться от существа, приносящего вред государству, сколько самое представление об этой птице, как о существе диковинном, редкостном.

¹ J. Oestrup. Contes de Damas. Leyde, 1897, VI, p. 82—96. Сказка эта помещена в составленной мною хрестоматии разговорного арабского языка (сирийское наречие), изд. Ленингр. восточн. инст. 1929, стр. 67—73.

² А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. VIII, стр. 620—626. Существует художественное издание сказки Экспедиции заготовления государственных бумаг с рисунками художника И. Я. Билибина. СПб., 1901. Стихотворное переложение сказки было сделано В. А. Жуковским в 1845 г. (Собрание сочинений, изд. Наркомпроса. Пгр., 1918, т. I, стр. 433—446) и Н. М. Языковым (Стихотворения. СПб., 1858, ч. II).

Старших братьев постигает неудача, наоборот успех выпадает на долю младшего. После долгого путешествия младший царевич встречает орлицу, которая, в благодарность за оказанную ей царевичем услугу, предлагает ему сесть на нее, чтобы добраться до местонахождения золотой птицы, которое и обещает указать царевичу. В русской сказке аналогичную служебную роль выполняет серый волк.

Преодолев препятствие и заполучив меч (этому элементу в русской сказке соответствует конь *златогривый*) и золотую птицу, царевич возмел желание похитить и девицу (ее обладательницу по данным арабской сказки), что ему также удается сделать благодаря его находчивости.

Царевич уже готов отправиться к отцу со своей добычей, распростившись с орлицей и вновь преодолев серьезное препятствие, как вдруг происходит новое покушение на его жизнь, на этот раз уже со стороны его старших братьев, которых он к тому же освободил (по арабской версии) из темницы, куда те попали в результате своих неудачных поисков золотой птицы. В арабской сказке с царевичем повторяется далее история Иосифа Прекрасного: завистливые братья спускают его в колодец, думая таким образом избавиться от него и воспользоваться плодами его успехов, выдав их за свои собственные; в русской сказке старшие братья убивают младшего с тою же целью.

Однако царевич оказывается невредимым: в арабской передаче сюжета царевича вытаскивают живым из колодца проезжавшие мимо бедуины, а в русской — оживляет ворон благодаря вмешательству серого волка. Царевич затем отправляется к своему отцу, объявляет ему о своих подвигах и уличает братьев в вероломном поступке по отношению к нему, после чего заявляет о своем желании жениться на девице. В заключение царевич прощает своих братьев, делается царем и женится на девице.

Такова в общих чертах фабула арабской сказки, как мы видим мало чем отличающаяся от русской. Личность младшего царевича обрисована в обеих сказках совершенно одинаково. В противоположность своим старшим братьям он человек простого и доброго нрава, вместе с тем он смел, ловок и предприимчив, — эти его качества способствуют успеху во время его подвигов. Он зла не помнит и прощает своих завистливых братьев, хотевших погубить его, чтобы приписать себе честь успехов младшего брата.

Сходство отдельных моментов в обеих сказках также весьма близкое. Характерная для многих сказок тройственность является в данном случае

аналогичной во всех трех моментах: 1) три сына у царя, из которых младший — герой сказки, 2) три дороги на выбор перед совершением подвигов и, наконец, 3) три самих подвига, объектами которых служат в арабской сказке: меч, золотая птица и девица, в русской — Жар-птица, конь золотогривый и королева Елена Прекрасная.

Не менее показательной чертой сходства является и то обстоятельство, что перед совершением подвига орлица — в арабской сказке и серый волк — в русской предупреждают героя, чтобы он не прикасался ни к чему кроме того, что составляет непосредственный объект его стремления, так как в противном случае может возникнуть серьезное затруднение, которое действительно имеет место впоследствии и вызывает применение новых усилий со стороны героя.

Отдельные эпизоды, содержащиеся в упомянутых сказках, равно как и детали, различны, что может быть в большей степени отнесено за счет влияния местных условий, как например, и то, что служебную роль в арабской сказке играет орлица, а в русской — серый волк, тем не менее они не отражаются на сходстве самого сюжета и аналогичном развитии действия в обеих сказках, ведущем к одинаковой цели.

Сказке о Жар-птице уделялось большое внимание в исследовательской литературе, посвященной сказочному эпосу.¹ Известный собиратель и знаток русских народных сказок А. Н. Афанасьев в примечаниях к сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке, помещенной в его сборнике «Народные русские сказки», говорит, что сказка о Жар-птице имеется у многих славянских, германских и романских народов. Сказка эта встречается также у новых греков (см. Hahn. Griechische und albanesische Märchen).² В сборнике сказок Гримм мы находим сказку под заглавием «Der goldene Vogel». Видный представитель теории заимствования в былинах и сказках В. В. Стасов в своем труде «Происхождение русских былин»³ высказывает, между прочим, взгляд о восточном происхождении сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке.

«Долгое время, говорит он, сказка эта считалась у нас чисто русскою, истинно национальною, но с тех пор как началось изучение народной

¹ См. С. В. Савченко. Русская народная сказка (История собирания и изучения). Киев, 1914.

² Лpz., 1864, I, 285; II, 49.

³ Собрание сочинений. СПб., 1894, т. III, стр. 985—996.

словесности других европейских народов оказалось, что она распространена у многих народов славянского, германского и романского племени. . . и все это в формах, до крайности близких к той, в которой она существует у нашего народа. Но мало того, что мы сознаем такую общераспространенность нашей сказки; мы имеем сверх того возможность указать теперь, откуда она пришла в Европу».

В качестве одного из очень древних оригиналов этой сказки он приводит одну из собрания индийских сказок Сомадевы. Содержание ее таково.

У одного могущественного индийского царя было много жен и сыновей. Одну жену и ее сына царь любил более остальных, за что те возненавидели ее, и в результате их происков царь удалил ее от себя. Они хотят также погубить и любимого сына царя. Вскоре прилетает громадный журавль и садится на крышу дворца. Буддийский священник, проходивший мимо, сказал, что это злой дух, приносящий всюду вред. Царевичи стреляют в птицу, но не попадают, и священник говорит им, что попадет в нее любимый сын царя. Тогда царевичи приносят наиболее ценный и дорогой для царя лук со стрелами и предлагают своему брату выстрелить в журавля, надеясь, что раненая им птица улетит и царевич отправится на ее поиски, чтобы избежать гнева царя. Действительно царевич попадает в птицу и та улетает со стрелой, а он отправляется вслед за ней. После долгих поисков царевич подходит к замку, в котором живет злой дух, успевший уже принять человеческий образ. Дочь злого духа и царевич влюбляются друг в друга. Царевич хочет жениться на ней, но злой дух предлагает ему выполнить четыре задания, прежде чем согласиться на ее замужество. Выполнить эти задачи помогает царевичу его невеста, обладающая волшебными свойствами. В результате царевич достает стрелу и женится на дочери злого духа.

Проанализировав приведенный индийский рассказ, В. В. Стасов говорит в своем труде далее: «Но не следует думать, основываясь на близком сходстве наших и западноевропейских рассказов с индийским, будто они непосредственно происходят от него. Как сказка об Еруслане Лазаревиче не происходит прямо из Шах-Намэ, несмотря на всю близость, так точно и сказка о Жар-птице не происходит от сказок Сомадевы. Есть другие восточные рассказы, с которыми она в известных отношениях имеет еще более сходства чем с приведенным индийским оригиналом». Как на подобного рода рассказ, В. В. Стасов указывает на одну песню сибирского

племени кизильцев, живущих на р. Черном Юсе.¹ Содержание ее следующее.

Алтын-Хан имеет среброволосую кобылу, у которого неизвестно кто крадет жеребят. По его предложению три зятя его остаются сторожить кобылу, но двое из них засыпают, а третий, взяв своего богатырского коня вместо клячи, предоставленной ему тестем, настигает громадную птицу, в то время как та собирается украсть жеребенка. Он убивает птицу, но по просьбе своих двух свойственников продает им ее за сустав с пальца каждого из них. Затем тесть предлагает им изловить златошерстого тигра, которого также удается убить третьему зятю благодаря его богатырскому коню. Этот зять продает убитого им тигра двум другим зятям за ремень, вырезанный из их спины, а сам уходит жить на Алтай. Два зятя решают его погубить, подкарауливают его и сталкивают в яму, откуда ему никак не вылезти. Старания его жены и коня вытащить его из ямы не помогают; тогда конь поднимается на край неба и земли и находит там прекрасную девицу с длинной косой и она помогает ему выбраться из ямы, опустив туда свою косу. В благодарность герой берет ее к себе в качестве второй жены и объявляет о коварном поступке двух зятей.

По мнению В. В. Стасова «Жар-птица или Золотая птица есть не что иное, как птица-золототел индийских рассказов, освещение сада телом божественного или волшебного существа встречается также, говорит он очень часто в восточных поэтических преданиях».

В заключение своего труда В. В. Стасов приходит к следующему выводу: «Мы не можем, говорит он, (покуда) указать одного единичного, оригинала, от которого происходит сказка о Жар-птице, обращающаяся как в нашем народе, так и у многих других европейских народов, — но восточное ее происхождение несомненно, и в ней мы находим сохраненными в очень близкой передаче целые отрывки, полные эпизоды из древнейших поэм и песен древней Азии» и далее: «очень вероятно, что значительная часть этих сказок пришли в западную Европу с Востока, перейдя через Россию. Между тем, другая часть пришла тогда же через Юг, посредством арабов, и путем *письменности*: последний факт нынче уже доказан несомненным образом».

Как труд В. В. Стасова, в большей своей части посвященный русским былинам, так и самая теория заимствования подверглись основательной

¹ R a d l o f f. Proben, II, 615—634.

критике со стороны большинства ученых того времени, тем не менее автору была присуждена Академией Наук Уваровская награда.

Оппонент его ориенталист академик Шифнер,¹ отрицая в этом смысле влияние на русских со стороны монголов, которые в эпоху татарского нашествия еще не были буддистами, говорит, что влияние повествовательной литературы других народов на русскую следует искать: 1) на Западе через Новгород, 2) со стороны Византии и 3) со стороны Персии через различные тюркские племена.

Академик А. Н. Веселовский в своей статье-рецензии по поводу книги «Der griechische Roman und seine Vorläufer von Erwin Rohde. Lpz., 1876», пишет: «Необходимо предположить, что в истории передачи восточных сказочных вымыслов греческому западу не последнюю, если не исключительную роль играла устная передача. Роде (стр. 179 и сл.) доказывает и, по нашему мнению, совершенно справедливо, что не только отдельные подробности, но самая сущность Синдбадовых путешествий заставляют предположить их дальнейший источник Индию, ту богатую сказками страну, из которой народы Востока и особенно арабы заимствовали свои повести и новеллы, ставшие известными на Западе главным образом при их посредстве».

Возможность подобного зарождения народных сказок и песен из литературных мотивов также не представляет для А. Н. Веселовского никаких сомнений.

В противовес Бенфею,² виднейшему представителю теории заимствования и так называемой школы индианистов, в подражании которому старались уличить В. В. Стасова некоторые из его оппонентов, выступил Ж. Бедье³ с резкой критикой теории заимствования. Разобрав 147 фабло, он находит параллели только 11 из них в восточных сборниках и считает вопрос о восточном, в частности индийском, происхождении отдельных европейских сказочных сюжетов недоказанным.

Ряд ученых западноевропейских и русских, в том числе и С. Ф. Ольденбург,⁴ в своих рецензиях по поводу исследования Ж. Бедье опро-

¹ Отчет о XII присуждении Уваровских наград.

² Th. Benfeу, геттингенский ориенталист, известный своим исследованием и переводом индийского сборника рассказов и басен Панчатантра под названием «Pantschatantra, fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen», издававший журнал «Orient und Occident».

³ J. Bédier. Les fabliaux. Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Paris, 1893.

⁴ ЖМНП, 1906, № 10, стр. 227 и сл.

вергли приведенные им цифровые данные, а некоторые указали и на то, что распространение сказок, как уже было упомянуто выше, шло не только письменным путем на чисто литературной основе, но и путем устной передачи. Таким образом, несмотря на выпуклость и безусловную талантливость изложения, выводы Ж. Бедье не были признаны несомненными и достаточно основательными, чтобы поколебать положения, выдвинутые представителями теории заимствования.

В своем труде «Морфология сказки» (изд. Гос. института истории искусств. Лгр., 1928) В. Пропп останавливается на необходимости классификации сказок, основанной на предварительном систематическом их описании, после чего только можно переходить к освещению вопроса о происхождении сказок. Констатируя полное единообразие строения волшебных сказок, к числу которых принадлежит конечно и «Сказка об Иване-царевиче», он задает вопрос, не значит ли это, что все они происходят из одного источника. «Единый источник, говорит он, не означает непременно, что сказки пришли, например, из Индии и распространились отсюда по всему миру, приняв при странствии своем различные формы, как это допускают некоторые. Единый источник может быть и психологическим. В этой области много сделано Вундтом. Однако, заключает он, и здесь нужно быть все же чрезвычайно осторожным». Он говорит также о влиянии религии и быта на содержание сказок. Вообще же он воздерживается высказываться по вопросу о происхождении сказок, предоставляя это делать историку.

Относительно представителей теории заимствования нужно сказать, что они, и даже так называемые индианисты, отнюдь не считали Индию монополюющей родиной сказок, признавая лишь заимствования другими народами многих сказок из древнеиндийских как путем письменной, так и устной передачи, и вовсе не отказывая этим народам в возможности наличия у них своих собственных оригинальных сказок.

Весьма древним очагом сказок является также и Египет, причем некоторые из них относятся к XV в. до н. э. Сказки эти были изданы египтологом Масперо в виде отдельного сборника под заглавием «Contes populaires de l'Égypte ancienne» в 1882 г. По своему содержанию они представляют главным образом описания походов различных хитрецов, плутов и просто воров, данные сюжеты считаются характерными для египетских сказок.

Возвращаясь к нашей арабской сказке «Три царевича и золотая птица» следует отметить, что J. Oestrup, которому мы обязаны ее воспроизведением, в замечаниях к своему сборнику сирийских сказок относит ее к числу тех, которые, встречаясь в своих первоначальных версиях в старинных арабских сборниках, тем не менее представляют заимствования. Параллели такого рода сказок, говорит он, можно найти в «Дополнении к переводу 1001 ночи» — R. Burton. Далее следует ссылка на упоминаемую в «Дополнении» «Историю о султани, его сыновьях и волшебной птице», которая дала начало сказке «Три царевича и золотая птица».

Что касается рассказа, представляющего из себя вымысел с начала до конца, такой эпизод имеет место в излагаемой нами арабской сказке, то J. Oestrup считает его особым заимствованием и приводит две параллели также из арабских сказок, из которых одна целиком посвящена аналогичному сюжету. В данном же случае рассказ этот является специальной вставкой в общую канву сказки.

По мнению J. Oestrup группа сказок, к которым принадлежит «Три царевича и золотая птица» относится к заимствованным арабами у своих восточных соседей — персов и индусов.

Суммируя изложенное, необходимо прийти к выводу, что произведенный анализ сказки «Три царевича и золотая птица» лишний раз подтверждает восточное происхождение русской сказки об Иване-Царевиче, Жар-птице и о сером волке, хотя бы и не предпреляя вопроса о персидском или индийском оригинале последней и пути, по которому она пришла к нам с Востока.

В виду большого сходства в основных чертах с нашей русской сказкой она приводится здесь полностью в русском переводе возможно более близком к тексту подлинника.

ТРИ ЦАРЕВИЧА И ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

Было то что было, в то время жил один царь, который имел трех сыновей. Однажды сыновья сказали ему: «Отец, мы хотим путешествовать, чтобы повидать страны». Царь им ответил: «у меня есть намерение относительно вас, если вы поедете и привезете то, что от вас потребуется, то тот, кто это сделает, будет царем вместо меня». Сыновья сказали: «Приважи дать каждому из нас мешок золота и коня». Он приказал дать им это. Тогда сыновья предложили: «Требуй то, чего ты хочешь». Царь молвил: «Я хочу, чтобы вы привезли мне золотую птицу» и дал каждому из них перо этой птицы.

Они поехали верхом, прошли расстояние десяти дней в пустыне и перед ними предстали три дороги. Тогда братья сказали друг другу: «Не годится нам ехать вместе, пусть каждый выберет себе путь».

Старший брат прибыл в какой-то сад и нашел в этом саду человека, который, поднявшись с земли, сказал ему: «Добро пожаловать, ты сегодня мой гость», влинул слугу своего и приказал: «Возьми коня, дай ему ячменя и принеси обед для гостя». Затем спросил (гостя): «Куда, ты, молодец, думаешь ехать?». Тот ответил: «Хочу повидать свет». А хозяин сада был человек коварный и сказал ему: «Расскажи мне рассказ, который был бы весь ложным, и я тебе отдам этот сад». Царевич ответил: «Хорошо, это легко». — «Ну, говори!». — Он начал: «Жил один человек-купец...». Хозяин сказал ему: «Замолчи, это не ложь, поскольку существует человек, а люди — это истинное», позвал слугу своего и сказал ему: «Возьми мешок золота у этой собаки и сведи его (самого) в темницу». Темница та находилась под землей. Вот то, что случилось со старшим.

Что касается происшедшего со средним, то он прошел в пути расстояние десяти дней, нашел сад, вошел в него и встретил там человека. Когда тот его увидел, встал с земли, сказал гостю: «Добро пожаловать», позвал слугу своего и приказал ему: «Дай ячменя коню и принеси обед для гостя». В то время как он обедал с гостем, спросил: «Куда ты думаешь ехать?». Гость ответил: «Хочу повидать свет». Затем хозяин сказал ему: «Расскажи мне рассказ, который был бы весь ложным, и я дам тебе этот сад». Царевич промолвил: «Это легко». — «Ну, говори!». — Он начал: «Жила однажды женщина со своим мужем...» Хозяин прервал его: «Довольно, замолчи, поскольку были жена и муж ее, эти слова правдивы». Затем хозяин сада позвал своего слугу и сказал ему: «Возьми мешок с золотом и отведи эту собаку в темницу». Слуга поступил так, как приказал ему хозяин его. Вот то, что произошло со средним.

Что же касается того, что случилось с младшим, то, когда он был в пути, наступил вечер и в это время он подошел к источнику, около которого находилось большое дерево. Царевич сел и начал рассматривать дерево, — и вот дьявол, напившись из источника, намеревается влезть на то дерево, но царевич, будучи более быстрым чем молния, выхватил меч и рассеял дьявола пополам. А дьявол хотел съесть маленьких птенцов, бывших на этом дереве. Когда появилась мать птенцов, — то была большая орлица, — и нашла своих детей невредимыми, она спросила их: «Скажите мне, что с вами произошло в мое отсутствие». Они ответили: «В то время как мы сидели (в гнезде), вдруг этот юноша подошел к источнику, — и вот через полчаса появился дьявол и, напившись из источника, захотел влезть (на дерево), чтобы нас съесть. Юноша выхватил меч и ударил им, разрубив дьявола пополам». Орлица воскликнула: «Слава богу, который избавил нас от него, я спущусь, чтобы высказать юноше доброе пожелание». Она спустилась к юноше и приветствовала его. Юноша ответил ей приветствием. Орлица затем сказала ему: «Ты сделал мне добро и я хочу отплатить тебе за него благодарностью, — что бы ты ни пожелал, будет исполнено». Царевич ответил ей: «Я хочу (иметь) золотую птицу», вытащил из-за пазухи перо и показал его ей. Тогда орлица сказала ему: «Привяжи своего

коня к этому дереву и садись ко мне на спину». Царевич привязал своего коня, сел верхом к ней на спину и она полетела в воздухе. Она достигла одного замка, снизилась там, спустила царевича на землю и сказала ему: «Войди в этот замок, возьми меч, который (висит) на такой-то стене, и, что бы ты ни видел, остерегайся трогать рукой за исключением того меча». Царевич вошел в замок и нашел меч, висевший на стене. Когда он выходил через дверь, рука его притронулась к стене — и появились сорок дьяволов, которые заперли перед ним двери замка. Он сказал про себя: «Чужой, чужой, чужой» и затем обратился к ним: «Я чужестранец, чего вы хотите от меня?» Дьяволы спросили его: «Что ты украл из замка? — Я украл меч». — «Хорошо, ты умрешь здесь от голода, так как двери перед тобою заперты, — если же ты отдашь нам меч, то мы откроем их и ты уйдешь». А царевич был ловок, он сказал им: «Я вам отдам меч, откройте мне двери». — «Передай нам меч». — «Хорошо», сказал он, «держите его», дал им взяться за ножны, в то время как он держал клинок; когда же они открыли двери, он вытащил меч из их рук и меч остался у него, а ножны — у них. Тогда царевич воскликнул: «Кто отважится напасть на меня, тому ударом меча я рассеку голову».

Затем он сел на спину орлицы, с мечом в руке, и птица ему сказала: «О, юноша, сегодня мы прибудем в один сад, ты войдешь в этот сад и найдешь там девицу, которой нет подобной ни среди людей, ни среди духов, это и есть обладательница золотой птицы, но если девица тебя увидит, то убьет тебя». Царевич ответил ей: «Ничего, это мое дело».

Когда он вошел в сад, то нашел там птицу, которая ела траву на земле. Царевич схватил ее, положил за пазуху и начал искать девицу. Он обнаружил замок, вошел в него и нашел ту девицу спящей, — лицо ее сияло, как луна в четырнадцатую ночь. Царевич вынул сонное средство из-за пазухи, дал ей его и, взяв девицу на руки, вышел к орлице и сказал ей: «Вот птица, а вот и ее обладательница». Орлица воскликнула: «Браво, ей-богу, ты ловок!».

Вслед затем он сел на спину орлицы вместе с девицей и они прибыли к своему первоначальному месту. Тогда орлица сказала ему: «Это то, чего ты хотел», и царевич подтвердил ее слова. Орлица приветствовала его на прощанье, царевич сел сам и посадил на своего коня девицу. Едучи дорогой, он достиг одного сада, хозяин которого вышел к ним и сказал ему: «Добро пожаловать, ты — мой гость». Хозяин сада позвал своего слугу и приказал ему: «Дай ячменя коню и принеси обед для юноши», в то же время сказав про себя: «Ах, вот, ей богу, девушка, которой не обладали даже цари земные, — если бог захочет, она достанется мне и я убью этого юношу». Затем он обратился к юноше: «О, молодец, расскажи мне рассказ, который был бы весь ложным, и я отдам тебе этот сад». Юноша ответил: «Это легко». — «Ну, говори!» Царевич начал говорить: «Когда мне было три года, а сыну моему пятьдесят лет, я послал его, чтобы он принес лук с рынка; он заблудился, — я отправился искать его и нашел плачущим у рыночных ворот. Я спросил его: «Что ты делаешь здесь?» Он ответил: «Я заблудился и не знал где дом». Я нашел его несущим в руке лук, который взял из его рук, и мы пошли с ним вместе, пока не прибыли домой. Тогда

я нашел в его руке грецкий орех, который взял и посадил в землю. Этот орех тотчас вырос и дал тысячу вантаров орехов, — я позвал сборщиков плодов, чтобы они собрали орехи. Они собрали все орехи, я заплатил им за работу и они ушли. Затем я поднял голову и увидел на верхушке дерева два ореха, взял ком земли и ударил по орехам. Ком земли превратился в луговину, — я взял быков, пошел на луговину, вспахал землю и посеял сезам. В девять часов сезам созрел и, собрав его, я увидел муравья, который убежал с зерном сезама во рту. Я его настиг через десять дней и, отняв у него зерно сезама, вернулся, взял быков, вспахал землю и посеял арбузы. Арбузы выросли, и я, гуляя, чтобы посмотреть на эти арбузы, нашел арбуз, в середине которого говорили люди; разрезав этот арбуз, я обнаружил лестницу, спустившись по которой, увидел город, в котором торговали и имелось правительство и войско. . .»

Тогда хозяин сада сказал: «Довольно, перестань, ей богу, ты хитер, вот тебе сад и будь здоров». Царевич ответил ему: «До свиданья».

Когда он прогуливался вслед затем по саду, то обнаружил темницу и, войдя в нее, нашел своих братьев, которые воскликнули: «Брат наш, что это и кто тебя привел сюда!». После того как царевич поведал им, что с ним приключилось, а они — то, что с ними произошло, он им сказал: «Все окончилось хорошо, я отомстил за вас, достал птицу и девицу и приобрел меч, принадлежащий такому-то дьяволу, — садитесь на коней и отправимся в Дамаск».

Они сели на коней и поехали. Будучи в пути, они прибыли к одному колодец. Старшие братья сговорились между собою: «Спустим нашего брата в этот колодец и, обрезав веревку, возьмем девицу и птицу и приобретем расположение со стороны нашего отца». Между тем девица слышала их слова. Затем они сказали юноше: «Братец, спустись в этот колодец и достань нам воды». Он ответил: «Хорошо, дайте веревку». Взяв веревку и обвязав себя, он хотел было спуститься в колодец, но девица ему сказала: «Подожди, пока я расскажу тебе кое-что» и сообщила ему о сговоре его братьев. Царевич возразил ей: «Мои братья не поступят подло со мной». Тогда девица ответила: «Хорошо, возьми эту цепь и этот браслет». Он, взяв их от нее, спустился в колодец и почерпнул воды для братьев. Когда братья напились и напоили лошадей, царевич закричал им: «Поднимите меня наверх», но они сказали: «Нет, умри здесь и никто о тебе ничего не узнает» и, взяв девицу, отправились в путь, пока не прибыли в Дамаск.

Они вошли к своему отцу, приветствовали его и, поцеловав его руку, сказали ему: «Вот птица, которую ты требовал от нас, вот девица и вот меч, принадлежавший такому-то дьяволу». Отец спросил их: «А брат ваш где?» Они ответили: «Брат наш умер, мы омыли, одели и похоронили его своими руками». Отец промолвил: «Нет мощи, ни силы, кроме как в божестве». Вот то, что произошло с двумя (старшими) братьями.

Что касается происшедшего с младшим, то когда он сидел в колодеце, вдруг над ним опустилось ведро, он схватил веревку и закричал: «Тащите меня!». Его спросили: «Ты человек или дьявол?». Он ответил: «Ей богу, я человек!». Тогда его вытащили и, увидев, что это был юноша (прекрасный), как полная луна, спросили:

«Из какой ты страны?». Юноша сказал: «Я из Дамаска». Вождь бедуинов, услышав его слова, влинул одного из своих слуг и приказал ему: «Отправь этого юношу в Дамаск» — и тот отправил его.

Когда царевич прибыл в Дамаск, то сказал про себя: «Клянусь богом, я непременно увижу, что мои братья собираются сделать с этой девицей». Он вошел в город и никто его не узнал. Царевич достиг (базара) ювелиров и встретил нищего, которому предложил: «Возьми мою одежду и дай мне свою». Нищий ответил: «Хорошо, господин мой, я тебе ее отдам». Царевич одел на себя одежду нищего, вошел к одному ювелиру и спросил: «Не возьмешь ли ты меня к себе (для услуг)?» Тот ответил: «Да я возьму тебя к себе, с тем чтобы ты приносил мне уголь и доставлял бы мясодомой». Царевич согласился.

Когда он пребывал у ювелира, вдруг является к тому посланец от властей и говорит: «Иди, тебя зовет царь». Ювелир промолвил: «Готов повиноваться». Войдя к царю, ювелир поцеловал ему руку. Царь приказал ему сесть и произнес: «О, старшина ювелиров, я хочу тебе рассказать следующее». Ювелир ответил: «Соблаговолит рассказать». Царь сказал: «Сын мой путешествовал, привез с собой девицу и хочет на ней жениться, однако девица заявила ему: «Я не соглашусь, чтобы ты женился на мне, пока ты не принесешь мне такой же браслет, как этот». И вот, ювелир, я хочу, чтобы ты сделал такой же браслет, как этот». Ювелир ответил: «Готов повиноваться». — «Если ты завтра мне не принесешь его, я отрублю тебе голову». Тот промолвил: «Хорошо».

Ювелир пошел в свою лавку, будучи сердитым, так как он не умел сделать такой браслет. Между тем слуга его спросил: «Что с тобой, хозяин?». Он сказал: «Замолчи, да сократит Аллах твою жизнь». Царевич снова спросил: «Скажи мне, хозяин мой, что с тобой?» Ювелир ответил: «Царь хочет иметь браслет такой же, как этот». Тогда царевич взял в руки браслет, чтобы его рассмотреть, и, узнав, что это браслет той девицы, воскликнул: «Из-за этого ты сердиться? Ей богу, когда я был маленьким мальчиком и играл в восточки, то умел делать подобные браслеты и я сделаю тебе такой же». — «Неужели ты умеешь?» — «Да, умею». — Тогда ювелир сказал: «Возьми и сделай такой же». Царевич продолжал: «Запри меня в лавке и уходи, а завтра придешь и получишь браслет». — «Хорошо», промолвил ювелир, запер слугу и пошел домой. Когда он на следующее утро пришел, царевич сказал ему: «Возьми, хозяин». Ювелир взял, посмотрел на оба браслета и не мог отличить новый от старого. Он стал очень доволен им, отправился к царю и сказал ему: «Возьми, о царь времени!». Царь взял браслеты от него, хорошо его вознаграждал, а затем позвал девицу и сказал ей: «Вот, возьми этот браслет». Увидев браслет, она поняла, что царевич прибыл в город и хочет пуститься на хитрости. Она ответила: «Еще имеется цепь, если будет сделана (другая цепь) подобная ей, то я выйду замуж за твоего сына». Царь тотчас приказал: «Приведите того ювелира». Когда ювелир пришел, царь сказал ему: «Я хочу иметь вторую цепь такую же, как эта, если ты завтра не принесешь мне ее, то я отрублю тебе голову». Он промолвил в ответ: «Готов повиноваться».

Ювелир пришел в свою лавку, будучи в дурном настроении, и слуга его спросил: «Что с тобой, ты каждый день приходишь сердитым». — «О, юноша, царь дал мне цепь и хочет, чтобы я сделал ему такую же, а я не умею». Царевич ответил: «Это дело мое, а не твое, если я тебе сделаю, ты дашь мне бешлык?». — «Ей богу, я дам тебе меджида». — «Хорошо, сказал царевич, завтра ты получишь ее». На следующее утро ювелир пришел в лавку и царевич ему сказал: «Возьми эту цепь». Ювелир взял ее и ушел к царю радостный. Когда царь увидел цепь он наградил ювелира, позвал девицу и молвил ей: «Посмотри, вот эта цепь». Увидев цепь, девица сказала царю: «Я хочу посмотреть на состязания лошадей». Царь изъявил согласие. Он собрал всадников, которые сели на лошадей и качали состязаться.

Царевич, узнав об этом, пошел на конский базар, купил коня, сел на него верхом и поехал к тем всадникам, а был он искусен в конских состязаниях. Когда он прибыл к тем всадникам, то нашел там своих братьев, которые состязались и которым никто не мог противостоять. Тогда царевич взял в руки копьё и, нанеся удар старшему брату, а затем второму, сбросил их на землю и стал наносить удары всадникам одному за другим, в то время как девица любовалась его ловкостью. До царя дошло известие о том, что какой-то юноша из простого власса, нанеся удар сыновьям его, сбросил их на землю и нанес удары сыновьям пашей, что он ловок и никто не может противостоять ему. Царь сказал: «Дайте мне коня», сел верхом, поехал и нашел своего сына, который совершил эти поступки. Царь подскакал к нему и стал обнимать его, говоря: «О, мой дорогой, ты жив, а твои братья сказали, что ты умер». Царевич ответил: «О, мой отец, это я достал девицу, золотую птицу и меч, принадлежавший такому-то дьяволу, это я получил сад от такого-то и такого-то человека, нашел братьев моих заключенными в темницу, освободил их и взял их с собою, а они поступили со мной так дурно. Я хочу жениться на этой девице». И сказал ему отец: «Ты царь и судья надо мной и над братьями твоими, хочешь — убей их, хочешь — прости их». Царевич воскликнул: «Нет, я прощаю их», — сделался царем, женился на той девице и стал править народом справедливо. Вот то, что произошло. И да будет мир с вами.

Д. Семенов.